

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Вспоминается то чувство благодарности, радости и некоторого изумления, когда на страницах «тогдашней»

серой и чуть шершавой бумаги вспыхнули и зазвучали удивительно яркие, прямо осязаемые слова: «...Сыро зеленел забор тайги», «...Скачет вода, вскидываясь белыми блестящими лапами вверх», «...Тугой, пахнувший морем, камнями и морскими травами ветер...», «Лицо Васьки Окорка, рыжее, как подсолнечник».

Но поражали не только эти свежие, как бы первородные слова. Всеволод Иванов рассказывал о новом, литературно неосвоенном, захватывающем. На страницах «Партизанских повестей» и «Бронепоезда 14-69» говорилось о том, что пережили молодая Советская страна, советский народ.

С любовью, с сердечным волнением увидели мы простые и по-своему величественные фигуры партизан в героической их схватке с белогвардейцами. Без ложной патетики, без ходульности показал художник всю глубину их праведного гнева против насильников-интервентов и несокрушимую связь с угнетенными всего мира.

Перед читателем, вначале словно захмелевшим от пышной яркости языка Всеволода Иванова, страница за страницей развертывалась эпическая картина борьбы народа за свое освобождение.

Знаменательно, что прошли годы и годы, но эти произведения не только не утратили своего значения, а словно наполнились еще большей силой.

Вот фигура друга партизан китайца Син Бин-у, с такой простотой отдавшего свою жизнь за общее дело, за русских братьев. Эта страничка воспринимается, как исполненный глубокого значения символ неразоткеного единства трудящихся любых оттенков кожи, разных языков. И прежде всего как символ верной дружбы русского и китайского народов.

А можно ли без сердечного волнения перечитывать сцену, когда партизаны с душевной готовностью, с великой верой в свое дело агитируют пленного американского солдата. С какой жизненной правдой раскрывает писатель великую истину, что это они, иссушенные в долгих походах мужики, — носители подлинного братства народов и гуманизма.

«Не вникает. По-русски-то не знает, бедность!», — соболезнующе изрекает Васька Окорок, агитирующий солдата. Бывший портовый рабочий партизан Знобов пододвигал американца. «Американец подошел. Мужики опять собрались, опять задышали хлебом, табаком».

— Ленин, — сказал твердо и громко Знобов и как-то нечаянно, словно оступаясь, улыбнулся. Американец вздрогнул всем телом, блеснул глазами и радостно ответил...».

Незабываема и фигура председателя подпольного революционного комитета Пеклеванова. Недаром К. Станиславский, впоследствии ставший «Бронепоезд 14-69» на сцене МХАТ, видел в этом «посланце Ленина» «центр пьесы и спектакля».

Художник, рисуя Пеклеванова, по собственному его признанию, больше всего боялся впасть в «фальшивый пафос и декламационность», стремился сделать своего героя возможно более обыденным.

В этом человеке небольшого роста нет ходульности, помпезности. Но во внешне непримечательной фигуре писателю удалось воплотить огромную волю и организующую силу коммунистов-ленинцев.

Спектакль «Бронепоезд» на мхатовской сцене был поворотным моментом в развитии театра, его первой заявкой на современную, дорожную советскому зрителю, тему. В нем воедино слились талант писателя и исполнителей — Качалова, Хмелева, Баталова, Кедрова, — которым представилась возможность во всю ширь развернуть свое дарование. И это понятно. Писатель, вошедший в

К 60-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

литературу с такими яркими вещами, как «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», «Голубые пески», — немало испытал, видел и пережил. Он пришел, как это принято говорить, «из гущи жизни». Был наборщиком, фокусником, «жил в почтовых домах, в ярмарочных балаганах, в труппах Омска, Екатеринбурга, Челябинска».

Ближайший литературный советчик и друг молодого писателя Максим Горький, по первым произведениям распознавший талант Всеволода Иванова, в своем письме к нему отметил, что в известной мере их биографии родственны: «Знайте, что всем нам, знающим жизнь, кроме человека, верить не во что. Значит, — надо верить в себя, надо знать, что вы не только судья людям, но и кровный их друг».

В этом «знающем жизнь» молодом писателе Алексее Максимовиче заботливо укреплял веру в свое призвание, укреплял его бодрое, светлое мироощущение.

«В первом письме, полученном мною от Горького, было два слова: «Берегите себя». Не я берег себя, а меня сберегли эти слова. Право, мне кажется, что без них я вряд ли бы выжил. Хотя я и происхожу родом из упорнейших и крепких казаков, тех, что шли с Ермаком в Сибирь, однако 1917—1920 годы были столь грозны и тягостны, что падали и гибли люди посильней и здоровей меня...», — свидетельствует Вс. Иванов.

И, в полной мере изведав трудности и суровые испытания, писатель все же выражает свой восторг перед жизнью: «...Жизнь хороша сама по себе... она заслуживает восторга, ветвистого и многолетнего, как дуб, и удивления, животворящего и светлого, как дождь!..».

Это «светлое удивление» жизнью отчетливо звучит и в первых книгах автора, таких, как «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», «Цветные ветра», согревает оно и лучшие страницы книги «Похождения факира» и произведения последующих лет: очерки «По родным местам», рассказы «Отчет Петра Бондаренко», «Джунгарский цветок» и другие.

При этом художник свободен от какой бы то ни было слащавости — он суров и прям. Больше того, с особенной силой Вс. Иванов умеет обнажать свойственные жизни контрасты.

Думается, это умение видеть жизнь со всеми ее трудностями, в суровой ее простоте помогло художнику столь убедительно рассказать о герое гражданской войны, славном командире Александре Пархоменко, о мужественной его жизни и борьбе.

Если вообще уместны сопоставления, то, быть может, по изобразительной силе роман «Пархоменко» уступает лучшим из ранних произведений Вс. Иванова. Но художнику, чье творчество неустанно развивается, чей путь сложен и труден, свойственно ставить перед собой новые, не легкие задачи.

В героическом сыне народа, красном командире Пархоменко, как бы сочетается могучая стихийная сила Вершининых и организующая революционная воля Пеклевановых. Творческое раскрытие того нового, что увидел художник в фигуре большевика Пархоменко, было его большой, почетной задачей.

Неустанные творческие поиски, многогранность характерны для Вс. Иванова. В своей последней пьесе «Ломоносов» писатель показал эту дорожку для всех нас историческую фигуру, стремясь воплотить в образе искусства всю мощь таланта великого народа.

Впрочем, не в объеме газетной статьи следует говорить о глубоком и многогранном творчестве Вс. Иванова. Можно только пожелать, чтобы поистине многолетней была творческая работа этого большого, своеобразного художника.

Валерия ГЕРАСИМОВА